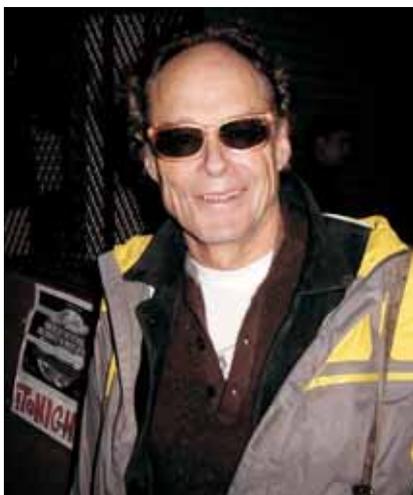


СТРАХ КАК «ВАЛЮТА» ДЕМОКРАТИЙ

Александр Кокберн



Александр Кокберн — американский политический журналист; со-редактор *Counter Punch*; ведущий рубрики в *The Nation* с двадцатипятилетним стажем, член редакционного совета *New Left Review*

РЖ *Оказывается ли страх одним из самых выгодных товаров на политическом рынке? Кто и зачем торгует страхом? Можно ли и нужно ли изъять этот товар?*

Конечно, он является одним из «лучших», то есть эффективных, товарных капиталов на политическом рынке. Все правительства в той или иной степени используют эту «валюту» и будут продолжать это делать в обозримом будущем.

РЖ *Действительно ли массовые страхи сегодня управляют политической, экономической и социальной жизнью современных обществ?*

Страх дефицита заложен в людях от природы, он в той или иной степени определяет экономическую, социальную и политическую жизнь.

Что касается США, то в наши дни страх и его производные, такие как гнев и предрассудки, яв-

ляются доминирующими политическими эмоциями. Полвека назад левые создавали оптимистичные рецепты социальных перемен. Сегодня молодежь запуталась в страхах, большинство из которых имеет иррациональную ненаучную природу. Наиболее явный из них — абсолютно спекулятивная гипотеза о рукотворном глобальном потеплении. Я живу на дальней части побережья северной Калифорнии. Дорога вдоль моря теперь усеяна знаками, установленными за счет граждан: они предупреждают водителей о том, что те находятся в зоне, где существует *вероятность* цунами — чрезвычайно редкой лавинообразной волны.

Пресса всегда торговала страхами, она делала это с момента своего появления в качестве средства массовой информации в конце XIX века. Сегодня влияние прессы ослабевает из-за Интернета, однако она старается держать читателей на неизменной «диете» истерии по поводу глобального потепления, эпидемий гриппа, безудержной инфляции, мусульманской угрозы западной цивилизации, похищения детей растлителями малолетних, сатанистами и так далее. **Интернет воспроизводит эти страхи с головокружительной скоростью.**

РЖ *Обычно считается, что страх — это удел тоталитарных обществ. Действительно ли демократиям свойственно меньше бояться? Как соотносятся страх и демократия?*

Конечно, это зависит от существующего в тоталитарном государстве уровня репрессивности и, следовательно, от степени реального страха, существующего у людей, подвергающихся репрессиям. Однако, если взять относительно спокойное, уме-

ренно авторитарное государство, например СССР в брежневский период, основная масса населения, возможно, испытывала меньше страха, чем население формально демократических стран. В последних принуждение осуществлялось не через боязнь тюрьмы или ссылки в трудовой лагерь, а через манипуляцию при помощи страха — страха перед экономической депрессией, преступностью, ядерной атакой, эпидемиями и так далее. **Страх в равной мере присутствует в арсенале как демократических, так и тоталитарных режимов. Разница проявляется только в методе, которым страх внедряется и поддерживается.**

РЖ *Трансформируют ли современные массовые страхи природу демократии (страх терроризма, страх финансового коллапса, страх мигрантов)? Если да, то каким образом?*

Чем больше страх, чем более неистово он поощряется и эксплуатируется, тем более стремительна эрозия реальных прав в демократическом обществе. Это можно легко проверить, исследовав увеличение числа «чрезвычайных законов» и «статутов», например, в Великобритании и Соединенных Штатах. Истерия с подъемом коммунизма после 1917 года была раздута обоими правительствами, и в какой-то момент это привело к сужению или приостановке гражданских свобод, таких как свобода собраний, свобода слова, *хабеас корпус* (предписания о представлении арестованного в суд для рассмотрения законности ареста), право на безотлагательное судебное разбирательство, возможность проводить очную ставку с обвинителем и так далее. Войны всегда приводят к ущемлению прав, особенно права на труд (право на забастовку и т. д.).

Сходные процессы имели место в Соединенных Штатах и Великобритании в последние тридцать лет, особенно ускорившись в последние пятнадцать лет. Закон о противоборстве терроризму и смертной казни, подписанный президентом Клинтоном, явился первой частью Закона о патриотизме, вышедшим при президенте Буше после атаки 11 сентября 2001 года. Оба этих закона, безусловно, изменили природу американской демократии в худшую сторону.

РЖ *С вашей точки зрения, может ли страх стать фактором, который препятствует глобализации государства или общества? Или, может быть, напротив, страх — это фактор, объединяющий людей?*

Безусловно, существуют коллективные страхи, разделяемые большинством людей и прослеживаемые в нашем далеком прошлом, но в наши дни страх вызывает рознь, отчасти потому, что государства оправдывают себя перед гражданами своим рвением отразить угрозы «национальной безопасности». В период примерно с 1945 по 1975 год ООН все еще воспринималась как своего рода блюститель коллективных надежд человечества на лучший мир. Они нашли отражение в начале 1970-х в планах Нового мирового экономического порядка. Но подъем неоллиберализма, воплощенного в деятельности Тэтчер в Великобритании, Джими Картера и затем Рональда Рейгана в США, сопровождался упадком общественных надежд на ООН как на институт, пусть и отчасти скомпрометированный, — способный улучшить ситуацию в мире.

В современной атмосфере Соединенных Штатов, когда встает вопрос о выборе подходящего инструмента в любых политических дебатах, страх с легкостью берет верх над конструктивным сотрудничеством. Доказательством является фактическая невозможность заключения даже самых скромных договоров по ограничению вооружений.

РЖ *Какие массовые страхи, скорее всего, будут определять «десятилетия» годы?*

Страхи (как правило, сильно преувеличенные) по поводу ограниченных ресурсов энергии, еды, воды будут продолжать процветать. На Западе, особенно в США, мальтузианство, то есть страх перенаселения бедных на планете, является негласной идеологией богатых. **Левые каким-то странным образом утратили способность убедительно доносить до людей свои позитивные представления.** В результате этот политический потенциал эксплуатируется правыми в слегка причудливых мутациях, таких как движение «Чаепитие».

Если люди начнут бояться того, что у них крадут права, если они начнут процесс политической консолидации, чтобы оказывать сопротивление, то тогда эти страхи будут служить на благо. ■

Беседовала Юлия Нетесова

ОТ СТРАХА СПАСАЕТ РАЗУМ



АЛЕКСАНДР ОСЛОН —
социолог, президент фонда
«Общественное мнение»
Специально для РЖ

В основе всех страхов лежат проблемы, вызовы, на которые нужно отвечать. **Иногда социальные проблемы кратковременны. Но какие-то проблемы поистине страшны,** и переживания, связанные с ними, называются страхом. Как отличить проблему, которая пугает, мучает, которая беспокоит, от проблемы, которая, наоборот, заставляет консолидироваться, что-то решать, что-то делать, мотивирует на какую-то активность? Природа этих проблем одна и та же, просто разные эмоции. Бывают же разные реакции на одну и ту же проблему: кто-то начинает бояться ходить по темному переулку, а кто-то приобретает оружие.

Сказать, что кто-то стоит за страхами, нельзя, ведь это некоторая мозаика, которая очень динамична. То, что волновало месяц назад, уже забыто. Однако в тоталитарном обществе присутствует императив единомыслия. Он сдерживает разнообразие. В обществах, где нет тормозов для динамики, появление тотально действующего фактора — крайняя редкость. Это либо природные факторы, либо катастрофические ситуации, когда у миллионов одновременно появляются примерно одни и те же мысли. Такая ситуация была 11 сентября 2001 го-

да. Большая часть населения земного шара в одну минуту пришла в ужас от того, что увидела благодаря глобальному телевидению.

В мозаичном обществе страхи становятся аналогичны эпидемии. Вирусы появляются и распространяются, но они должны подавляться иммунной системой. А что такое иммунная система? Антитела, которые съедают вирус. Этот период обычно называется болезнью. А вирусы, из организма выгоняемые, перескакивают путем заражения. Вы чихнули — кто-то заболел. То же и с ментальными вирусами, «мемами». **Вы слушаете новости, но их не слышите, у вас «в ушах бананы».** **Это и есть «мемы-антитела», которые заслоняют вас от новостей,** которые вам неинтересны. В социальной сфере, правда, не кашляют, а коммуницируют, пересказывая друг другу все случаи, страхи и прочее. И иногда пробивает так, что все мысли о хорошем уходят и вы начинаете всего бояться. Но если у вас хорошее образование, вам объяснили, например, что не нужно бояться падения рубля или доллара. Разум — это и есть аналог иммунной системы. Нужно разбираться, нужно уметь рассуждать. Дикий человек пугается всего окружающего. ■